

Наталия ТАНЬШИНА

д.и.н., профессор кафедры Всеобщей истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; ведущий научный сотрудник Лаборатории западноевропейских и средиземноморских исторических исследований исторического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук; профессор кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета, г.Москва

E-mail: horoshovo@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАРИСОВКИ ПАРИЖА ЛУИ-ФИЛИППА ОРЛЕАНСКОГО (ПО МАТЕРИАЛАМ «ДНЕВНИКА» ВИКТОРА БАЛАБИНА)*

Статья, выполненная в рамках имагологического подхода, посвящена анализу представлений о Франции Июльской монархии (1830-1848) российского дипломата В.П. Балабина, с 1842 являвшегося вторым секретарем посольства России во Франции. По материалам «Дневника» В. Балабина, опубликованного на основе его писем матери французским исследователем Э. Додэ в 1914 г., воссоздается политическая жизнь Парижа Луи-Филиппа Орлеанского. В центре внимания — сам король, его семья, а также ведущие французские политики тех лет: Ф. Гизо, А. Тьер, Л. Моле. Анализ писем дипломата позволяет выйти на вопрос о степени воздействия стереотипов на его образ Франции и ее правящей элиты.

Ключевые слова: русско-французские отношения, Июльская монархия, король Луи-Филипп, герцог Ф. Орлеанский, император Николай I, В.П. Балабин, Ф. Гизо, А. Тьер, Л. Моле, Д.Х. Ливен, А. Ламартин.

Ն. Տանշինա

**ՓԱՐԻԶԻ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ԻՐԱՂՈՒԹՅՈՒՆԸ ԼՈՒԻ-ՖԻԼԻՊ
ՕՐԼԵԱՆՑՈՒ ԳԱՀԱԿԱԼՈՒԹՅԱՆ ԸՆԹԱՑՔՈՒՄ (ՎԻԿՏՈՐ
ԲԱԼԱԲԻՆԻ «ՕՐԱԳՐԻ» ՆՅՈՒԹԵՐՈՎ)**

Բնոնորգիական մոտեցման շրջանակում իրականացված այս հոդվածը նվիրված է Ֆրանսիայի հուլիսյան միապետության մասին պատկերացումների ռուս դիվանագետ Վ. Պ. Բալաբինի վերլուծությանը, ով 1842թ. Ֆրանսիայում Ռուսաստանի դեսպանության երկրորդ քաղտոնդարն էր: Վ. Բալաբինի «Օրագրի» նյութերի հրատարակվել է Բալաբինի՝ 1914թ. Ֆրանսիացի հետազոտող Է. Դոդեի մորն ուղղված նամակների հիման վրա: Այն արտացոլում է Փարիզի քաղաքական կյանքը Լուի Ֆիլիպի գահակալության օրոք: Ուշադրության կենտրոնում է ինքը՝ թագավորը, իր ընտանիքը, նաև այն

ժամանակի ֆրանսիական քաղաքական գործիչները՝ Ֆ. Գիզոն, Ա. Տյերրը, Լ. Մալեն, Դ. Խ. Լիվենը, Ա. Լամարտենը:

Բանալի բառեր՝ Ռուս-ֆրանսիական հարաբերություններ, հուլիսյան միապետություն, թագավոր Լուի-Ֆիլիպ, դուկ Ֆ. Օդեանի, կայսր Նիկոլաս I, Վ.Պ.Բալաբին, Ֆ. Գիզոտ, Ա. Թիեր, Լ. Մոլե, Դ.Յ. Լենին, Ա. Լամարտին:

N. Tanshina

POLITICAL SKETCHES OF PARIS BY LOUIS-PHILIPPE OF ORLEANS (BASED ON THE MATERIALS OF THE "DIARY" BY VIKTOR BALABINE)

The article is written on the base of the imagological approach. It is devoted to the analysis of the Russian diplomat V.P. Balabin's views on the July monarchy France (1830-1848). Since 1842 Viktor Balabin was the second secretary of the Russian Embassy in France. The political life of Paris by Louis-Philippe of Orleans is being recreated after the V. Balabin's Diary materials, published on the basis of his letters to his mother by a French researcher E. Daudet in 1914. The focus of the article is the king himself, his family, the leading French politicians of those years: F. Guizot, A. Thiers, L. Molé. The analysis of the diplomat's letters allows to study the degree of stereotypes influence on his image of France and its ruling elite.

Keywords: Russian-French relations, July monarchy, King Louis-Philippe, prince F. Orleans, Emperor Nicholas I, V.P. Balabine, F. Guizot, A. Thiers, L. Molé, princess D. von Lieven, A. Lamartin.

На годы правления в России императора Николая I¹, а во Франции — короля Луи-Филиппа Орлеанского² приходится крайне сложный период в истории взаимоотношений между двумя странами. Это было связано с неприятием российским самодержцем «короля баррикад» Луи-Филиппа, возведенного на престол в ходе Июльской революции 1830 г. Николай I до конца своих дней считал Луи-Филиппа узурпатором трона и так никогда не именовал, как было принято в отношениях между монархами, «государь, брат мой»³. Положение российских дипломатов в Париже в это время было весьма непростым, особенно в условиях сокращения финансирования (поскольку Николай не считал отныне этот пост важным). После перевода в 1834 г. в Лондон графа Ш.А. Поццо ди Борго⁴, корсиканца, кровного врага Наполеона Бонапарта, с 1814 г. возглавлявшего российское посольство в Париже, пост посла занял граф П.П. Пален. Однако после дипломатического инцидента, произошедшего между двумя странами в 1841 г., граф Пален не вернулся в Париж из отпуска на родине, а

¹ О Николае I см.: Выходчиков Л.В. **Николай I**. М., 2006; Ляшенко Л.М. Николай I. Случайный император. М., 2013.

² О Луи-Филиппе см.: Antonetti G. **Louis-Philippe**. P., 2002; Price M. **Louis-Philippe. Le prince et le roi. La France entre deux révolutions**. P., 2007.

³ О Луи-Филиппе и Николае I см.: Танышина Н.П. **Самодержавие и либерализм: эпоха Николая I и Луи-Филиппа Орлеанского**. М., 2018.

⁴ О Ш.-А. Поццо ди Борго см.: Vergé-Franceschi M. **L'ennemi juré de Napoléon**. P., 2016; Танышина Н.П. **Июльская монархия глазами российского посла во Франции К.О. Поццо ди Борго** // Россия и Франция. XVIII–XX века. Выпуск 7. М., 2006. С. 138–150; *Ее же*. Корсиканец на русской службе, или куда приводит вендетта // Родина. 2008. № 4. С. 58–63; *Ее же*. **Карл Осипович Поццо ди Борго** // Вопросы истории. 2008. № 4. С. 67–85; Tanchina N. **Pozzo di Borgo et le Tzar** // Autour de Charles-André Pozzo di Borgo (1764–1842). Ajaccio, 2018. P. 57–66.

барон Проспер де Барант¹, посол Франции в России, не прибыл в Петербург. Хотя официально послы не были отозваны, вплоть до конца правления Луи-Филиппа интересы двух стран представляли поверенные в делах. Во Франции этот пост занимал Н.Д. Киселев, брат графа П.Д. Киселева. Как известно, дипломаты николаевской эпохи в своих донесениях порой писали не то, что думали на самом деле, а то, что хотел увидеть император, ведь в противном случае государь мог неделями не читать реляции. То есть дипломатические донесения — это, конечно, уникальный исторический источник, но относиться к нему надо весьма осторожно. Другое дело, когда в нашем распоряжении оказываются документы, вышедшие из-под пера дипломата, но не являющиеся официальными донесениями. Ведь дипломаты, как и обычные люди, писали родственникам и друзьям, а письма, отправляемые дипломатической почтой, не подвергались перлюстрации. Соответственно, в них дипломаты могли быть более откровенными. И такой документ в распоряжении историков имеется. Речь идет о «Дневнике»² Виктора Петровича Балабина, сына генерал-лейтенанта Петра Ивановича Балабина и француженки Варвары Осиповны Пари (Paris). Он родился в Петербурге в 1813 г. В 1832 г. вступил на дипломатическое поприще, а спустя десять лет был назначен секретарем посольства в Париже, призванный сменить князя И.С. Гагарина, и в этом качестве пробыл там девять лет. Привязанный к семье, Балабин на протяжении многих лет переписывался со своей матерью, вовсе не предполагая, что его письма увидят свет. Их опубликовал в 1914 г. французский историк и издатель Эрнест Доде. Вышел, однако, только первый том, посвященный событиям 1842—1847 гг. Второй том, как сообщалось в предисловии к первой книге, должен был увидеть свет через несколько месяцев. Но умер издатель, началась Первая мировая война, и вторая книга так и не появилась.

Итак, Балабин писал матери, но означало ли это, что он был свободен от «предписанных» дипломатам представлений о Франции Луи-Филиппа? Как полагал Э. Доде, вовсе нет. Доде задается вопросом: это политическая позиция или личное мнение дипломата? По словам историка, и то, и другое. Он считал, что образование Балабина, его окружение, его преданность государю и православной вере приводили к тому, что он воспринимал французов-католиков как врагов, и осуждал своих соотечественников, обратившихся в католичество (младший брат Балабина, Евгений, перешел в католичество и в 1852 г. вступил в орден иезуитов)³. Однако так ли было на самом деле? Так ли не нравились ему Париж, французы и те, кто ими управлял?

Глазами тонкого и внимательного наблюдателя, Виктора Балабина, мы можем не только погрузиться в атмосферу повседневной жизни Парижа Луи-Филиппа с его театрами, кафе, ресторанами и бульварами. «Дневник» В. Балабина — это и яркие зарисовки политической жизни столицы, ведущих политиков, света, двора, королевской семьи⁴.

Балабин прибыл в Париж незадолго до трагедии, произошедшей в семье Луи-Филиппа, а именно гибели наследника престола, герцога Фердинанда Орлеанского, случившейся 13 июля 1842 г. Для Луи-Филиппа и всей Франции это была огромная трагедия. Герцог Орлеанский был известен своими либеральными взглядами и популярен в народе. Все это Балабин верно подметил. Он писал: «Не странно ли, но для того, чтобы узнать, насколько он был любим и популярен в своей стране, принц должен был умереть? Любимый в армии за храбрость, проявленную под палящим

¹ О П. де Баранте см.: Танышина Н.П. *"Заметки о России" французского дипломата барона де Баранта* // Новая и новейшая история. 2010. № 2. С. 184 – 204; Denis A. Amable-Guillaume-Prospere Bruguiere, baron de Barante (1782–1866), homme politique, diplomate et historien. P., 2000.

² Balabine B. *Journal de Victor de Balabine, secrétaire de l'ambassade de Russie*: Paris de 1842 à 1852, la cour, la société, les mœurs. 1842-1847. Publ. par Ernest Daudet. P., 1914.

³ Ibid. P. V-VI.

⁴ О детях короля Луи-Филиппа см.: Teyssier A. *Les enfants de Louis-Philippe et la France*. P., 2006.

солнцем Африки, буржуазией и народом за либеральные идеи, семьей и окружением за душевные качества, — о нем скорбят все. Я опрашивал по этому поводу торговцев, кучеров, солдат, рабочих предместий, у всех был один ответ: О, сударь, это ужасное несчастье для Франции!»¹.

Главное, что поразило Балабина, — это отсутствие скорби у парижан: «Парижане пришли на церемонию, как на спектакль, призванный удовлетворить их праздное любопытство; в поведении, в лицах, в глазах людей напрасно вы бы стали искать выражение сожаления или даже легкой печали, ничего подобного. И слезы, и рыдания были замечены только господами редакторами правительственных газет»². Однако дальше он пишет: «Можно ли сделать вывод о том, что смерть герцога Орлеанского не произвела никакого впечатления на народ? Вовсе нет! Напротив, впечатление было более живым и массовым, нежели это ожидали»³. «Ну, вот, — сказал Балабин завтра одному продавцу фруктов с улицы Сент-Оноре, пропали ваши июльские праздники! (имеется в виду празднование годовщины Июльской революции — Н.Т.) — Без разницы, плевать, у нас всегда есть что-нибудь!»⁴.

Если император Николай I категорически был против того, чтобы его подданные посещали Париж и уж тем более, наносили визит королю Луи-Филиппу, то Балабин это был вынужден делать по долгу службы. Впервые королевскую семью он увидел на ужине, состоявшемся в Тюильри 4 декабря, куда были приглашены российские дипломаты. В назначенный вечер в 20.45 карета привезла Н.Д. Киселева, секретаря посольства князя Куракина и Балабина во дворец. Они пересекли галерею Дианы, потом квадратную залу, где обычно находились адъютанты короля и принцы, и, наконец, вошли в красивый салон⁵. Там перед большим камином расположились министры; в глубине зала находился большой круглый стол, за которым сидели дамы всех возрастов, одетые в траур; перед каждой находилась сумка с рукоделием из черного шелка; они работали в благотворительных целях.

Церемония приема, по словам Балабина, была проста; Киселев доложил о своем прибытии адъютанту короля графу Шабанну; тот представил российских дипломатов королеве Марии-Амелии⁶: «У королевы нежное и доброе лицо. Оно хранит отпечаток недавних несчастий и дышит нежной меланхолией. У нее почти седые волосы; черные платье и шляпка только добавляют ее облику траура и печали»⁷.

После приветственных фраз, которыми российские дипломаты обменялись с Марией-Амелией, они продолжили тур вокруг королевского стола и были представлены сестре короля, мадам Аделаиде⁸. «Насколько бледна королева, настолько ярка мадам Аделаида. Нет ничего благородного и возвышенного в выражении ее лица, но зато ощущается много ума. Как по внешнему виду, так и по характеру, она напоминает брата, короля»⁹.

В это самое время Луи-Филипп, прохаживавшийся с маршалом Николя Сультом в соседней комнате, заметил российских дипломатов и приблизился к ним, по словам Балабина, с самым приветливым видом в мире, будто он только и делал, что ждал их. «Одетый по-буржуазному... внешне он ничем не отличался от своих гостей. Ничто в его облике не указывало на монарха. Напрасно вы будете искать в его походке, манерах, осанке признаки величия, благородства и чувства внешнего превосходства.

¹ Balabine B. Op. cit. P. 24-25.

² Ibid. P. 32.

³ Ibidem.

⁴ Ibid. P. 33.

⁵ Ibid. P. 91.

⁶ О Марии-Амелии см.: *Isabelle, comtesse de Paris. La reine Marie-Amélie, grande-mère de l'Europe*. P., 1998.

⁷ Balabine B. Op. cit. P. 91.

⁸ Об Аделаиде см.: *Paoli D. Madame Adélaïde. Soeur et égérie de Louis-Philippe*. P., 2016.

⁹ Balabine B. Op. cit. P. 91-92.

Однако, это первое впечатление, неблагоприятное поначалу, рассеивается, как только король начинает с вами говорить, и вы различаете в чертах этого простоватого лица яркие признаки высшего ума, силы духа, остроумия и добродушия»¹.

После того, как дипломаты были представлены королю, он обратился к ним с несколькими репликами, адресовав каждому по фразе, «говоря с легкостью, отличающей его разговор, к удовольствию собеседника, если он того захочет»².

Побыв минут двадцать в салоне, наши дипломаты откланялись. Вернувшись к себе, Балабин обнаружил приглашение на ужин в королевский дворец. Как видим, никакого предубеждения в отношении Луи-Филиппа и приемов в Тюильри у него не возникло. Король и королева были ему весьма симпатичны.

Политика вершилась не только в Тюильри, Палате депутатов и Палате пэров, но и в салонах. Для Июльской монархии свет и политика — понятия теснейшим образом взаимосвязанные. Можно сказать, что Палата депутатов — это утренний спектакль, салон — это спектакль вечерний. В духе Дельфины Жирарден Балабин дает классификацию салонов, выделяя салоны литературные; политические, подразделяя их на легитимистские и салоны «золотой середины» (то есть правительственные); салоны дипломатические, среди которых особо выделяет салоны княгини Дарьи Христофоровны Ливен³ и графини Каstellлан. В салоне Ливен властвовал Франсуа Гизо⁴; «звездой» салона Каstellлан был граф Луи Моле. Именно Гизо и Моле Балабин выделял среди политической элиты Франции.

Когда Балабин впервые увидел Гизо в салоне княгини Ливен, он был поражен контрастом между его интеллектом, политическим влиянием и внешним видом. «Никогда не мог я представить Гизо, государственного деятеля, великого оратора, главу кабинета [...] прославленного историка, худым, тщедушным человеком, показавшимся мне утонувшим в кресле и беседующим приглушенным голосом с княгиней Ливен. Барант, манеры которого просты, скромны и вовсе не аристократичны, по сравнению с Гизо выглядит Талейраном или Меттернихом. Вообразите себе что-то среднее между профессором французского языка и актером на пенсии, и вы получите представление о внешности Гизо. Между тем, когда видишь его большие глаза, блестящие и умные, его высокий лоб и общее выражение лица, начинаешь признавать его таланты»⁵.

Салон княгини Ливен, по словам Балабина — «это привычное место встреч дипломатов; англичан, оказавшихся в Париже, и щеголей, принимаемых во всех салонах. Разговор здесь редко бывает интересным и последовательным; обязанность хозяйки дома сказать слово каждому; состязание дипломатов, представляющих различные интересы, присутствие некоторых важных эlegantных иностранцев — все это заставляет поддерживать разговор на уровне светской беседы. Княгиня Ливен восседает на своем канале и составляет центр общества и салона. Напротив, перед камином, находится группа из пяти или шести человек; Гизо перемещается от одного гостя к другому»⁶.

Балабин затрудняется ответить на вопрос, интересам России или Англии служит салон Ливен? В Париже, по его словам, представлен весь спектр мнений; «одни полагают, что в этом салоне защищаются интересы России, другие — что там правит

¹ Ibid. P. 92.

² Ibidem.

³ Княгиня Д.Х. Ливен (1785-1857) — супруга Х.А. Ливена, с 1812 по 1834 гг. посла России в Великобритании, родная сестра графа А.Х. Бенкендорфа, с 1835 г. до конца своих дней проживала в Париже, была хозяйкой влиятельного салона. О ней см.: *Таньшина Н.П. Княгиня Д.Х. Ливен. Любовь, политика, дипломатия*. М., 2009.

⁴ О Ф. Гизо см.: *Broglie G. Guizot. P., 1990; Rosanvallon P. Le moment Guizot. P., 1985; Таньшина Н.П. Франсуа Гизо: политическая биография*. М., 2016.

⁵ *Balabine B. Op. cit. P. 23-24.*

⁶ Ibid. P. 104-105.

балом Англия. Есть и те, кто считает, что Англия и Россия имеют там равное влияние и тем самым прекрасно друг друга нейтрализуют»¹.

По словам Балабина, именно «близость Ливен с Гизо позволяет ей общаться со всеми, имеющими политический или скорее дипломатический вес». Балабин полагал, что Дарья Христофоровна всего лишь использовала министра иностранных дел: «Гизо для нее лишь подножка, пьедестал, и она готова пожертвовать им, если таково условие ее возвышения!»².

Совершенно иным, по мнению Балабина, был салон графини Корделии де Кастеллан, где царствовал Луи Моле. «Графиня — дама пятидесяти лет; “весь Париж” привлекает ее блестящий прирожденный ум, богатство, обширное воображение, искусство ведения беседы. Идеи, развиваемые у нее в салоне, всегда облечены в элегантную форму, полны тонкого и изящного вкуса»³. Поскольку Моле, по мнению Балабина, в это время симпатизировал России, салон графини Кастеллан был выгоден российским интересам.

Самого же графа Моле Балабин считал одним из самых влиятельных французских политиков, высоко оценивая его не только профессиональные, но и моральные качества: «Граф Моле — это человек лет пятидесяти-шестидесяти, с благородной осанкой и изящной фигурой. Он всегда прекрасно одет; это можно заметить уже по его обуви. Его речь возвышенна, серьезна; манеры почтительны и достойны; он являет собой истинный тип благородного человека. Моле — может быть, самый значительный, самый достойный из всех государственных мужей Франции. Он всеми уважаем за целостность характера, уверенность, благородство души, и, что редко бывает, за незапятнанную репутацию. Прибавьте к этому значительное состояние, замечательный доверок, который, обеспечивая независимость, вызывает уважение толпы и позволяет рассматривать Моле как преемника нынешнего кабинета»⁴.

Конечно, Балабин не мог обойти вниманием Адольфа Тьера⁵. Он создал потрясающий портрет одного из самых ярких персонажей политической жизни Парижа (в светской жизни Тьер, как мы знаем, не особенно преуспел). «Я мало знаю Тьера и редко его вижу. Вообразите себе голову филина на теле мальчишки, серые и гладкие волосы, маленькие живые глаза, коренастую фигуру, крючковатые черты, вальяжный шаг — таков замечательный облик этого лилипута. Достоинство, прекрасный образ, изысканные манеры — ничего этого вы не найдете. В обществе, отдадим ему должное, он ведет себя достойно, сидит, скрещивая попеременно то ноги, то руки, а то, вдруг, начинает извиваться, будто хочет скинуть свою одежду, но потом все-таки решает ограничиться телодвижениями»⁶.

Однако внешнее впечатление обманчиво: «Если мы от тела обратимся к духу, то тогда филин превращается в орла, и внезапно переносит нас в самые возвышенные сферы истории и политики. Он говорит просто, одухотворенно, импровизируя, поражая своим практичным умом и справедливыми умозаключениями»⁷.

И еще одного политика особо выделяет Балабин — любимца светских дам Альфонса Ламартина⁸. «Своими манерами он больше походит на английского джентльмена, нежели на поэта или французского депутата»⁹. Ламартин принимает по субботам; «благодаря мадам Ламартин его салон — это святилище искусств. У нее

¹ Ibid. P. 105.

² Ibid. P. 23.

³ Ibid. P. 105.

⁴ Ibid. P. 106-107.

⁵ Об А. Тьере см.: Guiral P. Adolphe Thiers. P., 1986; Sawyer S.W. Adolphe Thiers: la contingence et le pouvoir. P., 2018.

⁶ Balabine B. Op. cit. P. 107-108.

⁷ Ibid. P. 108.

⁸ Об А. Ламартине см.: Unger G. Lamartine. P., 1998.

⁹ Balabine B. Op. cit. P. 109.

замечательный разговор, возвышенный ум, потрясающий талант к живописи и скульптуре»¹.

Балабин создал прекрасный поэтический портрет романтика-Ламартина. «Для политического мира Ламартин — это музыкант, звуками своей лиры, ее мелодичными аккордами удивляющий публику [...] Его личное благородство, его красноречие, его искренность, добросовестность — все это обеспечивает ему достойное, даже выдающееся место среди прославленных ораторов французской трибуны...»². Гизо был не менее известным оратором, однако сравнение Балабиным двух политиков явно не в пользу последнего: «Чтобы оценить по достоинству ораторские способности Ламартина, послушайте Гизо, поднимающегося вслед за ним на трибуну»³.

Если у французов тогда были сильны антирусские настроения, особенно после публикации в 1843 г. книги Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году», то русские люди испытывали к Франции неизменный интерес. Анализ Дневника В. Балабина вовсе не наводит на мысль о его неприятии французов, короля Луи-Филиппа и его окружения, как полагал Э. Доде. На мой взгляд, сами французы, находившиеся в плену стереотипов и антирусских настроений, у русских усматривали антифранцузские. Однако у Балабина мы ничего подобного не замечаем. Он не описывает с презрительной иронией королевские приемы в Тюильри, как это зачастую бывало в самой Франции; ведущих политиков Июльской монархии, включая Тьера, он оценивает как людей достойных и способных; Франция и Париж для него — это центр политической жизни, это вулкан, к рокоту которого прислушивается внимательное ухо, «...а политическая Европа... внимает: мир или война»⁴. Конечно, у него голова порой идет кругом от этого общества, «где каждый день встречаются старый конституционалист, солдат Империи, камердинер Людовика XVIII, исповедник Карла X, профессор или адвокат министров Июльской монархии...». Политическую символику Июльской монархии он описывает так: «Это античный герб, к которому добавлена... революционная пика и шапка маленького капрала... Наконец, это лаборатория дьявола, или я не знаю что!»⁵. Однако эта лаборатория ему нравится, и, оказываясь в отпуске на родине, он всякий раз стремится в свою «блестящую ссылку»⁶.

Последнее письмо Виктора Балабина из Парижа датируется 13 июля 1847 г. В 1852 г. он был отправлен в Константинополь, откуда в следующем году вернулся во Францию в качестве советника посольства, сохраняя этот пост до начала Крымской войны. После разрыва дипломатических отношений между Россией и Францией он отправился в Петербург, но уже через несколько месяцев был направлен в Вену, где занимал пост советника посольства, потом был поверенным в делах, а в 1860 г. стал чрезвычайным посланником и полномочным министром. Балабин надеялся получить титул посла, но в 1864 г. в возрасте 52 лет он скоропостижно скончался⁷. Некоторые из писем Балабина, адресованные графу Дмитрию Нессельроде, сыну министра иностранных дел, отправленные из Парижа в 1852 г. и из Брюсселя в 1854 г., были опубликованы в IX и X томах «Писем и бумаг графа Нессельроде».

Статья рекомендована к печати членом редакционной коллегии,
д.и.н. В.М.Аванесяном.

¹ Ibidem.

² Ibid. P. 109-110.

³ Ibidem.

⁴ Ibid. P. 103.

⁵ Ibid. P. 104.

⁶ P. 266.

⁷ Ibid. P. I-II.